I. Turgenev.

A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛIОТЕКА Г.В.ЮДИНА

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

БРИГАДИРЪ

РАЗСКАЗЪ.

I.

Читатель, знакомы ли тебѣ тѣ небольшія дворянскія усадьбы, которыми, двадцать-пять, тридцать лѣтъ тому назадъ, изобиловала наша великорусская Украйна? Теперь онѣ попадаются рѣдко — а лѣтъ черезъ десять и послѣднія изъ нихъ, пожалуй, исчезнутъ безслѣдно.—Проточный прудъ, заросшій лозникомъ и камышами, приволье хлопотливыхъ утокъ, къ которымъ изрѣдка присосѣживается осторожный «чирокъ»; за прудомъ садъ съ аллеями липъ, этой красы и чести нашихъ чернозёмныхъ равнинъ, съ заглохшими грядами «шпанской» земляники, со сплошной чащей крыжовника, смородины, малины, посреди которой, въ томный часъ неподвижнаго полуденнаго зноя, ужъ непремѣнно мелькнётъ пестрый платочекъ дворовой дѣвушки и зазвенитъ ея пронзительный голосокъ; тутъ же амбарчикъ на курьихъ ножкахъ, оранжерейка, плохенькій огородъ, со стаей воробьевъ на тычинкахъ и прикорнувшей кошкой близъ провалившагося колодца; дальше кудрявыя яблони надъ высокой, съ низу зеленой, къ верху сѣдой травой, жидкія вишни, груши, на которыхъ никогда не бываетъ плода; потомъ клумбы съ цвѣтами — макомъ, піонами, анютиными-глазками, крыжантами, «дѣвицей-въ-зелени», кусты татарской жимолости, дикаго жас-

мину, сирени и акаціи, съ непрестаннымъ пчелинымъ, шмелинымъ жужжаніемъ въ густыхъ, пахучихъ, липкихъ вѣткахъ; наконецъ, господскій домъ, одноэтажный, на кирпичномъ фундаментѣ, съ зеленоватыми стеклами въ узкихъ рамахъ, съ покатой, нѣкогда крашенной крышей, съ балкончикомъ, изъ котораго повыпадали кувшино-образные перила, съ кривымъ мезониномъ, съ безголосой старой собакой въ ямѣ подъ крыльцомъ; за домомъ широкій дворъ съ крапивой, полынью и лопухами по угламъ, службы съ захватанными дверями, съ голубями и галками на пробуравленныхъ соломенныхъ крышахъ, погребокъ съ заржавѣлымъ флюгеромъ, двѣ-три берёзы съ грачиными гнѣздами на голыхъ, верхнихъ сучьяхъ — а тамъ уже дорога съ подушечками мягкой пыли по колеямъ — и поле, и длинные плетни коноплянниковъ, и сѣренькія избушки деревни, и крики гусей съ отдаленныхъ заливныхъ луговъ... Знакомо ли тебѣ всё это, читатель? Въ самомъ домѣ все немножко на̀-бокъ, немножко расшаталось — а ничего! Стоитъ крѣпко и держитъ тепло: печи, что̀ твои слоны, мебель сбродная, домодѣльщина; бѣловатыя, протоптанныя дорожки бѣгутъ отъ дверей по крашеннымъ поламъ; въ передней чижи и жаворонки въ крошечныхъ клѣткахъ — въ углу столовой громадные англійскіе часы въ видѣ башни, съ надписью: «Strike—silent»—въ гостиной портреты хозяевъ, писанные масляными красками, съ выраженіемъ суроваго испуга на кирпичнаго цвѣту лицахъ—а иногда и старая, покоробленная картинка, представляющая либо цвѣты и фрукты, либо миѳологическій сюжетъ; вездѣ пахнетъ кваскомъ, яблокомъ, олифой, кожей; мухи гудятъ и звенятъ подъ потолкомъ и на окнахъ, бойкій прусакъ внезапно заиграетъ усиками изъ-за зеркальной рамы... Ничего! жить можно — и даже очень недурно можно жить.

II.

Вотъ такую-то усадьбу пришлось мнѣ посѣтить лѣтъ тридцать тому назадъ — дѣла давно-минувшихъ дней — какъ изволите видѣть. Небольшое имѣньице, въ которомъ находилась та усадьба — принадлежала одному моему университетскому товарищу; оно недавно къ нему поступило послѣ смерти троюроднаго дяди холостяка, и самъ онъ въ немъ не жилъ... Но въ не-

дальнемъ разстояніи оттуда зачинались пространныя степныя болота, въ которыхъ, во время лѣтняго прилёта, водилось много дупелей; мой товарищъ и я — мы оба были страстные охотники — а потому и сговорились съѣхаться — онъ изъ Москвы, я изъ своей деревеньки — къ Петрову дню — въ его домикъ. Пріятель мой замѣшкался въ Москвѣ и опоздалъ двумя днями; я безъ него не хотѣлъ начать охоты. — Меня принялъ старый слуга, по имени Наркизъ Семёновъ: его предувѣдомили о моемъ пріѣздѣ. Этотъ старый слуга нисколько не походилъ на «Савельича» или на «Калеба»; мой товарищъ звалъ его въ шутку «Маркизомъ». Въ немъ было что-то самоувѣренное, даже утонченное, не безъ достоинства: онъ смотрѣлъ на насъ молодыхъ людей свысока — но и къ другимъ помѣщикамъ не питалъ особеннаго уваженія; о прежнемъ баринѣ отзывался небрежно — а свою братью просто презиралъ — за невѣжество. Самъ онъ умѣлъ читать и писать, выражался правильно и вразумительно — и водки не пилъ. Въ церковь ходилъ рѣдко — такъ что его раскольникомъ считали. Изъ себя онъ былъ худощавъ и высокъ, лицо имѣлъ длинное и благообразное, острый носъ и нависшія брови, которыя онъ безпрестанно то надвигалъ, то поднималъ; носилъ просторный, опрятный сюртукъ и сапоги до колѣнъ съ вырѣзанными въ видѣ сердца голенищами.

III.

Въ самый день моего прибытія, Наркизъ, подавъ мнѣ позавтракать и убравъ со стола — остановился въ дверяхъ, пристально посмотрѣлъ на меня, и поигравъ бровями—промолвилъ:

— Что же вы, сударь, теперь дѣлать будете?

— А я, право, не знаю, Еслибы Николай Петровичъ слово свое сдержалъ, пріѣхалъ—мы бы на охоту вмѣстѣ отправились.

— А вы, стало, сударь, надѣялись, что они такъ въ самый разъ и пріѣдутъ, какъ обѣщались?

— Конечно, надѣялся.

— Гмъ. — Наркизъ опять посмотрѣлъ на меня — и какъ бы съ сожалѣньемъ покачалъ головою. — Коли чтеніемъ позабавиться желательно, продолжалъ онъ — отъ стараго барина остались книжки; я ихъ, буде угодно, принесу; только вы ихъ читать не станете, такъ полагать надо.

— Почему?

— Книжки-то пустыя; не для теперешнихъ господъ писаны.

— Ты ихъ читалъ?

— Не читалъ, не сталъ бы говорить. Сонникъ, напримѣръ— это что-же за книга? Ну, есть другія... только вы ихъ тоже не станете читать.

— А что̀?

— Божественныя.

Я помолчалъ... Наркизъ помолчалъ тоже.

— Главное-то мнѣ досадно, началъ я; въ этакую погоду — дома сидѣть.

— Въ саду прогуляйтесь; а не-то̀ въ рощу сходите. Тутъ у насъ роща за гумномъ. Не охочи ли вы рыбу ловить?

— А у васъ есть рыба?

— Есть, въ прудѣ. Гольцы, пескари, окуньки попадаются. Теперь, конечно, настоящая пора прошла: іюль на дворѣ. Ну— а все-таки попытаться можно. — Прикажете удочку снарядить?

— Сдѣлай одолженіе.

— Я съ вами мальчика пошлю — червей насаживать. А то развѣ самому пойти? — Наркизъ очевидно сомнѣвался въ томъ, съумѣю ли я одинъ справиться.

— Пойдемъ, пожалуйста, пойдемъ.

Наркизъ улыбнулся молча, но во весь ротъ, потомъ вдругъ надвинулъ брови — и вышелъ изъ комнаты.

IV.

Полъ-часа спустя, мы отправились ловить рыбу. Наркизъ надѣлъ какой-то необыкновенный, ушастый картузъ — и сталъ еще величественнѣе. — Онъ выступалъ впереди, степеннымъ, ровнымъ шагомъ; двѣ удочки мѣрно колыхались на его̀ плечѣ; босоногій мальчишка несъ за нимъ лейку и горшокъ съ червями.

— Тутъ, возлѣ плотины, на плоту лавочка устроена для удобства̀, — началъ пояснять мнѣ Наркизъ — заглянулъ впередъ и вдругъ воскликнулъ: «Эге? да наши убогіе ужъ тутъ... Повадились!» Я вытянулъ изъ-за него голову и увидалъ на плоту, на той самой лавочкѣ, о которой онъ говорилъ — двухъ сидѣвшихъ къ намъ спиною людей: они преспокойно удили рыбу.

— Кто это? спросилъ я.

— Сосѣди, отвѣчалъ съ неудовольствіемъ Наркизъ.—Дома-то ѣсть имъ нечего, такъ вотъ они къ намъ и жалуютъ.

— А имъ позволяется?

— Прежній баринъ позволялъ... развѣ вотъ Николай Петровичъ. Длинный-то—дьячокъ изъ заштатныхъ—совсѣмъ пустой человѣкъ; ну а тотъ, чтò потолще — бригадиръ.

— Какъ, бригадиръ? повторилъ я съ изумленіемъ.—Одежда на этомъ «бригадирѣ» была чуть ли не хуже дьячковской.

— Я жъ вамъ докладываю: бригадиръ. И состояніе у нихъ было хорошее. А теперь вотъ изъ милости уголъ отведенъ — и живутъ — тàкъ, чѣмъ Господь пошлетъ. Однако, между прочимъ, какъ-же быть? Заняли они лучшее мѣсто... Надо будетъ дорогихъ гостей потревожить.

— Нѣтъ, Наркизъ, пожалуйста, не тревожь ихъ. Мы тутъ же присядемъ въ сторонкѣ: они намъ не помѣшаютъ. Мнѣ съ бригадиромъ хочется познакомиться.

— Какъ угодно-съ. — А только, что если на счетъ знакомства — много удовольствія вы, сударь, получить не надѣйтесь; слабы они очень понятіемъ стали — и въ «разговоркѣ» тупы — чтò малый ребенокъ. И тò сказать: восьмой десятокъ доживаютъ.

— Какъ его зовутъ?

— Васильемъ Ѳомичемъ. По фамиліи — Гуськовъ.

— А дьячка какъ?

— Дьячка-то? — прозвище ему — Огурецъ. Его здѣсь всѣ такъ величаютъ — а какое его настоящее имя — Господь вѣдаетъ! Пустой человѣкъ! Какъ есть проходимецъ!

— Они живутъ вмѣстѣ?

— Нѣтъ, не вмѣстѣ; да чортъ ихъ — знаете — веревочкой связалъ.

V.

Мы подошли къ плоту. Бригадиръ вскинулъ на насъ глазами—и тотъ-часъ устремилъ ихъ на поплавокъ; Огурецъ вскочилъ, выдернулъ удочку, снялъ свою истасканную поповскую шляпу, провелъ трепетной рукой по жесткимъ, жолтымъ волосамъ, поклонился на-òтмашъ и засмѣялся дряблымъ смѣхомъ. Его припухлое лицо изобличало горькаго пьяницу; съеженные глазки униженно моргали. Онъ толкнулъ своего сосѣда въ бокъ,

какъ бы давая ему знать, что надо-молъ убираться... Бригадиръ зашевелился на лавочкѣ.

— Сидите, прошу васъ, не безпокойтесь, поспѣшно заговорилъ я. Вы намъ нисколько не мѣшаете. Мы тутъ помѣстимся; сидите.

Огурецъ запахнулъ свой дырявый балахонъ, передернулъ плечами, губами, бородкой... Наше присутствіе видимо его стѣсняло—и онъ бы охотно улизнулъ—но бригадиръ снова погрузился въ созерцаніе своего поплавка... «Проходимецъ» кашлянулъ раза два, присѣлъ на самый край лавочки, положилъ шляпу на колѣни, и подобравъ подъ себя свои голыя ноги, скромно закинулъ удочку.

— Клюетъ? съ важностью спросилъ Наркизъ, медлительно разматывая лѣсу.

— Штучекъ пять гольцовъ залучили, отвѣчалъ Огурецъ разбитымъ и сиплымъ голосомъ — да вотъ они порядочнаго окунька поймали.

— Да, окунька, пискливо повторилъ бригадиръ.

VI.

Я принялся пристально разсматривать — не его, а опрокинутое его отраженіе въ прудѣ. Оно мнѣ представлялось ясно, какъ въ зеркалѣ, немного темнѣй, немного серебристѣй. Широкій прудъ дышалъ на насъ прохладой; прохладой вѣяло и отъ сырого обрывистаго берега: и тѣмъ слаще была она, что тамъ, надъ головою, въ золотистой и темной лазури, надъ купами деревьевъ, ощутительнымъ бременемъ нависъ неподвижный зной. Вода не колыхалась около плота; въ тѣни, падавшей на нее съ раскидистыхъ прибрежныхъ кустовъ, блестѣли, какъ крохотныя свѣтлыя пуговки, водяные паучки, описывавшіе свои вѣчные круги; лишь изрѣдка чуть замѣтная рябь шла отъ поплавковъ, когда рыба «шалила» съ червякомъ. Бралась она очень плохо: въ теченіе цѣлаго часа мы вытащили двухъ гольцовъ и пескаря. Я бы не съумѣлъ сказать, почему бригадиръ возбуждалъ мое любопытство: чинъ его не могъ на меня дѣйствовать; разоренные дворяне и въ то время не считались рѣдкостью — и самая его наружность не представляла ничего замѣчательнаго. Изъ подъ теплаго картуза, закрывавшаго всю верхнюю часть его

головы до бровей и до шеи, виднѣлось красное, гладко выбритое, круглое лицо, съ маленькимъ носомъ, маленькими губками и свѣтло-сѣрыми небольшими глазами. Простоту и слабость душевную и какую-то давнишнюю, безпомощную грусть выражало это смиренное, почти дѣтское лицо; въ пухлыхъ бѣлыхъ ручкахъ съ короткими пальцами было тоже что-то безпомощное, неумѣлое... Я никакъ не былъ въ состояніи себѣ представить, какимъ образомъ этотъ убогій старичокъ могъ когда-то быть военнымъ человѣкомъ, командовать, распоряжаться—да еще въ екатерининскія, суровыя времена! Я глядѣлъ на него: иногда онъ надувалъ щеки и слабо пыхтѣлъ, какъ ребенокъ, иногда онъ щурился болѣзненно, съ усиліемъ, какъ всѣ дряхлые люди. Разъ онъ широко раскрылъ и поднялъ глаза... Они уставились на меня изъ водной глубины — и странно трогательнымъ и даже значительнымъ показался мнѣ ихъ унылый взоръ.

VII.

Я постарался заговорить съ бригадиромъ... но Наркизъ не обманулъ меня: бѣдный старикъ дѣйствительно очень слабъ понятіемъ сталъ. Онъ освѣдомился о моей фамиліи —и переспросивъ меня раза два, подумалъ, подумалъ и промолвилъ наконецъ: «Да у насъ, кажись, былъ такой судья.—Огурецъ, былъ у насъ такой судья — ась»? — «Былъ, былъ, батюшка, Василій Ѳомичъ, ваше благородіе», отвѣчалъ ему Огурецъ, который вообще обходился съ нимъ, какъ съ ребенкомъ. — «Былъ, точно. А удочку вашу мнѣ пожалуйте: у васъ червячокъ, должно̀, съѣденъ... Съѣденъ и есть».

— Съ Ломовскимъ семействомъ изволили быть знакомы?— внезапно, напряженнымъ голосомъ спросилъ меня бригадиръ.

— Какое такое Ломовское семейство?

— Какое?—Ну, Ѳедоръ Иванычъ, Евстигнѣй Иванычъ, Алексѣй Иванычъ жидъ, ну Ѳеодулія Ивановна грабительница... а тамъ еще....

Бригадиръ вдругъ умолкъ и потупился.

— Самые имъ близкіе были люди, — наклонясь ко мнѣ, шепнулъ Наркизъ; — чрезъ нихъ, чрезъ самаго этого Алексѣя Иваныча, что̀ жидомъ они обозвали, да еще черезъ одну Алек-

сѣй-Иваничыну сестрицу, Аграфену Ивановну — они, можно сказать, всего состоянія лишились.

— Что̀ ты тамъ объ Аграфенѣ Ивановнѣ толкуешь? — воскликнулъ вдругъ бригадиръ — и голова его поднялась, бѣлыя брови нахмурились.... Ты смотри у меня! — И какая она тебѣ Аграфена? Агриппина Ивановна—вотъ какъ надо... ее называть.

— Ну-ну, нуну, батюшка, залепеталъ было Огурецъ.

— Ты развѣ не знаешь, что про нее Милоновъ стихотворецъ сочинилъ?—продолжалъ старикъ, внезапно войдя въ совершенно мною неожиданный азартъ. — «Не брачныя свѣщи возженны» — началъ онъ на распѣвъ, произнося всѣ гласныя въ носъ, а слоги: «ан» и «ен» — какъ французскіе: *an* и *en* — и странно было слышать изъ устъ его эту связную рѣчь;—«не факелы»... Нѣтъ, это не то̀; а вотъ:

Не бреннымъ тлѣнія кумиромъ,
Не амаранѳомъ, не порфиромъ,
Столь услаждаются они...
Одно лишь въ нихъ...

Это про насъ — слышишь?

Одно лишь въ нихъ непреткновенно,
Пріятно, томно, вожделѣнно:
Взаимный жаръ питать въ крови!

А ты — Аграфена!

Наркизъ усмѣхнулся полу-презрительно, полу-равнодушно.

—Эхъ-ма, каженникъ! [1])—проговорилъ онъ про себя. Но бригадиръ уже опять потупился — удочка вывалилась изъ его руки и соскользнула въ воду.

VIII.

— А что̀, какъ я погляжу — дѣло-то наше — дрянь, промолвилъ Огурецъ; рыба — вишь — неклюетъ вовсе. Ужъ жарко больно стало — а нашего барина «мехлюдія» [2]) постигла. Видно —

[1]) Каженникъ — идіотъ, чудакъ.

[2]) Мехлюдія — меланхолія.

домой пойти; лучше будетъ. — Онъ осторожно досталъ изъ кармана жестяную фляжку съ деревянной пробочкой, откупорилъ ее, насыпалъ себѣ на соколокъ табаку — да и дернулъ по обѣимъ ноздрямъ ра̀зомъ...—Эхъ, табачокъ! простоналъ онъ, приходя въ чувство;—ажно̀ тоска по зубамъ заиграла!—Ну, голубчикъ Василій Ѳомичъ, извольте подниматься — пора!

Бригадиръ всталъ съ лавочки.

— Далеко вы отсюда живете? спросилъ я Огурца.

— Да оно-то вотъ недалеко... и версты не будетъ.

— Позволите вы мнѣ проводить васъ? обратился я къ бригадиру. Мнѣ не захотѣлось отстать отъ него.

Онъ посмотрѣлъ на меня — и улыбнувшись той особенной, важной, вѣжливой и нѣсколько жеманной улыбкой, которая, не знаю какъ другимъ — а мнѣ всякій разъ напоминаетъ пудру, французскіе кафтаны съ стразовыми пуговицами, — вообще восемнадцатый вѣкъ — проговорилъ съ старомодной разстановкой, что «онъ о-чен-но будетъ радъ»... и тотъ-часъ опять опустился. Екатерининскій кавалеръ мелькнулъ въ немъ на мгновеніе—и исчезъ.

Наркизъ удивился моему намѣренію; но я не обратилъ вниманія на неодобрительное покачиваніе его ушастаго картуза — и вышелъ изъ саду вмѣстѣ съ бригадиромъ, котораго поддерживалъ Огурецъ. Старикъ двигался довольно быстро, какъ на деревяшкахъ.

IX.

Мы шли чуть-чуть проторенной тропинкой, по травянистой долинѣ, между двумя березовыми рощами. Солнце пекло; иволги перекликались въ зеленой чащѣ, коростели трещали возлѣ самой тропинки, голубенькія бабочки перелетывали стайками по бѣлымъ и краснымъ цвѣтамъ низкаго клевера — пчёлы, словно сонныя, путались и вяло жужжали въ недвижной травѣ. Огурецъ встряхнулся, оживился; Наркиза онъ боялся — онъ жилъ у него подъ глазами: я былъ ему чужой, заѣзжій — со мной онъ скоро освоился. — «Вотъ, зачастилъ онъ, — нашъ баринъ — постникъ, что̀ толковать! а однимъ окунькомъ — какъ тутъ сыту быть? — Развѣ вы, ваше благородіе, что̀ пожертвуете? Тутъ сейчасъ за повёрткомъ въ кабачкѣ—отличные калачи-ситнички. А коли милость будетъ—такъ и азъ многогрѣшный при этомъ случаѣ за

ваше здравіе—долголѣтіе-многоденствіе, шкальчикъ выкушаю». Я далъ ему двугривенный и едва успѣлъ отдернуть руку, которую онъ бросился лобызать. Онъ узналъ, что я охотникъ—и пустился толковать о томъ, что у него есть хорошій знакомый офицеръ, у котораго шведское мин-дин-ден-герровское ружье съ мѣднымъ стволомъ — что̀ твоя пушка! выпалишь — такъ словно забытьё найдетъ: послѣ французовъ осталось — и собака — просто игра природы! что онъ самъ всегда большую страсть къ охотѣ имѣлъ, и попъ бы ничего—вмѣстѣ съ нимъ перепеловъ лавливалъ—да благочинный до безконечности его затиранилъ; а что до Нарказа Семеныча, промолвилъ онъ на распѣвъ, — такъ ежели я по ихнему понятію необстоятельный человѣкъ на семъ свѣтѣ есть—и я на то доложу: отростили они себѣ брови не хуже тетерева, да и полагаютъ, что всѣ науки произошли.—Тѣмъ временемъ мы подошли къ кабачку—одинокой ветхой избушкѣ безъ задворка и клети; отощалая собака лежала свернувшись подъ окошкомъ; курица копалась въ пыли передъ самымъ ея носомъ. Огурецъ усадилъ бригадира на завалинкѣ,—и мгновенно шмыгнулъ въ избушку. Пока онъ покупалъ калачики, да подносилъ себѣ шкаликъ—я глазъ не сводилъ съ бригадира, который, Богъ вѣдаетъ почему, мнѣ представлялся загадкой. Въ жизни этого человѣка — думалось мнѣ — навѣрное произошло что-нибудь необыкновенное. А онъ, казалось, и не замѣчалъ меня вовсе; сидѣлъ, сгорбившись, на завалинкѣ, и перебиралъ въ пальцахъ нѣсколько гвоздикъ, сорванныхъ имъ въ саду моего пріятеля. Огурецъ появился наконецъ со связкой калачиковъ въ рукѣ; появился, весь красный и потный, съ выраженіемъ радостнаго удивленія на лицѣ, какъ будто онъ только-что увидалъ нѣчто чрезвычайно пріятное и для него неожиданное. Онъ тотчасъ предложилъ бригадиру откушать калачика — и тотъ откушалъ. Мы отправились далѣе.

X.

Въ силу выпитой водки, Огурца совершенно, какъ говорится, «разлимонило». Онъ принялся утѣшать бригадира, который продолжалъ спѣшить впередъ, пошатываясь, какъ на деревяшкахъ. «Что вы, батюшка баринъ, не веселы, носъ повѣсили? Позвольте, я вамъ пѣсенку спою. Сейчасъ всякое удовольствіе получите.—

Вы не извольте сумлѣваться, обратился онъ ко мнѣ; баринъ у насъ пресмѣшливый—и Боже ты мой!—Вчерась я гляжу: баба на плоту портки моетъ—да толстая же и попалась баба—а они сзаду стоятъ—да отъ смѣху такъ и киснутъ, ей Богу!—Вотъ позвольте сейчасъ: про зайца пѣсню знаете? Вы не глядите на меня, что я не взраченъ есть; у насъ тутъ въ городѣ цыганка живетъ: рыло-рыломъ—а запоетъ: гробъ! Ложись да помирай!» Онъ широко раскрылъ свои мокрыя, красныя губы и запѣлъ, загнувъ голову на̀-бокъ, закрывъ глаза и потряхивая бородкой:

Лежитъ заяцъ подъ кустомъ;
Ѣздятъ охотнички по пусто̀мъ...
Лежитъ заяцъ, еле дышетъ—
Между тѣмъ онъ ухомъ слышитъ—
Смерти ждетъ!

Чѣмъ вамъ, охотнички, я досадилъ?
Иль какую бѣдушку учинилъ?
Я въ капустахъ хоть бываю,
По одномъ листу съѣдаю—
И то не у васъ!
Да-съ!!

Огурецъ все болѣе задавалъ форсу:

Скакнулъ заяцъ въ темный лѣсъ—
И охотничкамъ фостъ поднѣсъ.
Вы, охотнички, простите,
На мой фостикъ поглядите—
Я не вашъ!

Огурецъ уже не пѣлъ... Онъ оралъ.

Ѣздили охотники до су-та́къ...
Разбирали заячій па-сту-па́къ...
Межъ собой все толковали
И другъ дружку обругали:
Заяцъ-то нѐ нашъ!
Косой обманулъ!!

Первые два стиха каждаго куплета Огурецъ пѣлъ протяжнымъ голосомъ—остальные три напротивъ очень живо, при чемъ щеголевато подпрыгивалъ и переступалъ ногами; по окончаніи же куплета откалывалъ «колѣно», т. е. ударялъ самого себя пят-

ками. Воскликнувъ во все горло: «Косой обманулъ!» онъ перекувернулся.—Ожиданія его оправдались. Бригадиръ вдругъ залился тонкимъ слезливымъ хохотомъ, да такъ усердно, что дальше идти не могъ—и слегка присѣлъ, безсильно похлопывая руками по колѣнкамъ. Я глядѣлъ на его побагровѣвшее, судорожно-искривленное лицо, и очень мнѣ жаль его стало—именно въ это мгновенье. Воодушевленный успѣхомъ, Огурецъ пустился въ присядку, безпрестанно приговоривая: «шилды-будылды да начики-чикалды!»... Онъ ткнулся наконецъ носомъ въ пыль... Бригадиръ внезапно пересталъ хохотать и заковылялъ дальше.

XI.

Мы прошли еще съ четверть версты.—Показалась маленькая деревушка на краю неглубокаго оврага; въ сторонѣ виднѣлся «флигелекъ» съ полуразметанной крышей и одинокой трубой: въ одной изъ двухъ комнатъ этаго флигелька помѣщался бригадиръ. Владѣтельница деревушки, постоянная обитательница Петербурга, статская совѣтница Ломова, отвела—какъ я узналъ въ послѣдствіи—этотъ уголокъ бригадиру. Она велѣла выдавать ему мѣсячину, а также приставить къ нему для услуженія проживавшую въ той же деревнѣ дурочку изъ дворовыхъ, которая, хотя и плохо понимала человѣческую рѣчь, однако могла, по мнѣнію совѣтницы, и полъ подмести и щи сварить. На порогѣ флигелька бригадиръ снова обратился ко мнѣ съ прежней екатерининской улыбкой: не угодно ли-молъ мнѣ пожаловать въ его апартàментъ? Вошли мы въ этотъ «апартàментъ». Все въ немъ было до крайности грязно и бѣдно, такъ грязно и такъ бѣдно, что бригадиръ, вѣроятно, замѣтивъ, по выраженію моего лица, какое впечатлѣніе произвело на меня его жилище, промолвилъ, пожавъ плечами и прищурившись: «се-не-пà... òль-де-пердри...» Чтò собственно хотѣлъ онъ этимъ сказать—осталось мнѣ не совсѣмъ яснымъ... Заговоривъ съ нимъ по-французски, я не получилъ отвѣта на этомъ языкѣ. Два предмета особенно поразили меня въ жилищѣ бригадира: во-первыхъ, большой офицерскій георгіевскій крестъ въ черной рамкѣ, подъ стекломъ, съ надписью стариннымъ почеркомъ: «получонъ полковникомъ Черниговскаго Дерфельдена полка Василіемъ Гуськовымъ за штурмъ Праги въ 1794 году;» а во-вторыхъ—поясной масленый портретъ красивой черноглазой

женщины съ продолговатымъ и смуглымъ лицомъ, высоко-взбитыми и напудренными волосами, съ мушками на вискахъ и подбородкѣ, въ пестромъ вырѣзномъ робъ-ронѣ, съ голубыми оборками, эпохи восьмидесятыхъ годовъ. Портретъ былъ плохо написанъ—но навѣрное очень схожъ: чѣмъ-то слишкомъ жизненнымъ и несомнѣннымъ вѣяло отъ этого лица. Оно не глядѣло на зрителя, какъ бы отворачивалось отъ него и не улыбалось; въ горбинѣ узкаго носа, въ правильныхъ, но плоскихъ губахъ, въ почти прямой чертѣ густыхъ, сдвинутыхъ бровей, сказывался повелительный, надменный, вспыльчивый нравъ. Не нужно было особаго усилія, чтобы представить себѣ, какъ это лицо могло внезапно загораться страстію или гнѣвомъ. Подъ самымъ портретомъ, на небольшой тумбочкѣ, стоялъ полузавядшій букетъ простыхъ полевыхъ цвѣтовъ въ толстой стеклянной банкѣ. Бригадиръ приблизился къ тумбочкѣ, воткнулъ въ банку принесенныя имъ гвоздики—и обернувшись ко мнѣ и поднявъ руку въ направленіи портрета, промолвилъ: «Агриппина Ивановна Телѣгина, Ломова урожденная».—Слова Наркиза пришли мнѣ на память: я съ удвоеннымъ вниманіемъ посмотрѣлъ на выразительное и недоброе лицо женщины, изъ-за которой бригадиръ всего состоянія лишился.

— Вы, я вижу, присутствовали при штурмѣ Праги, господинъ бригадиръ, началъ я, указывая на георгіевскій крестъ—и удостоились получить знакъ отличія, во всякое время рѣдкій — а тогда подавно; вы, стало-быть, помните Суворова?

— Александра Васильича-то?—отвѣчалъ бригадиръ, помолчавъ немного и какъ бы собираясь съ мыслями;—какъ же, помню, маленькій былъ, живой старичокъ.—Ты стоишь, не чукнешь — а онъ туды-сюды. — Бригадиръ захохоталъ. — Въ Варшаву-то на казачьей лошади въѣхалъ; самъ весь въ браліантахъ, а полякамъ говоритъ: нѣту у меня часовъ, въ Питерѣ забылъ, нѣту, нѣту! а они-то: виватъ! виватъ! — Чудаки! — Эй! Огурецъ! Малый! прибавилъ онъ вдругъ, перемѣнивъ и возвысивъ голосъ: (балагуръ-дьячокъ оставался за дверью)—Гдѣ-жъ, — калачики-то? Да Грунькѣ скажи — какъ бы кваску?

— Сейчасъ, батюшка баринъ, послышался голосъ Огурца. Онъ вручилъ бригадиру связку ситничковъ—и выйдя изъ флигелька, подошелъ къ какому-то взъерошенному существу въ лохмотьяхъ,—должно быть, самой той дурочкѣ Грунькѣ—и сколько я могъ разобрать сквозь запыленное окошко, началъ требовать отъ нея «кваску»—ибо нѣсколько разъ сряду приставлялъ одну руку воронкой кò рту — а другою махалъ въ нашу сторону.

XII.

Я снова попытался вступить въ бесѣду съ бригадиромъ; но онъ видимо усталъ, опустился, кряхтя, на лежанку, и простонавъ: «ой, ой, косточки, косточки», развязалъ свои подвязки. Помнится, меня тогда удивило, какъ это у мужчины могли быть подвязки? Я не сообразилъ, что въ прежнее время всѣ ихъ носили. Бригадиръ принялся зѣвать продолжительно и откровенно, не спуская съ меня отупѣлыхъ глазъ; такъ зѣваютъ очень маленькія дѣти. Бѣдный старикъ, казалось, не совсѣмъ даже понималъ мои вопросы... И онъ бралъ Прагу! Онъ, со шпагой на-голо́, въ дыму, въ пыли — въ челѣ суворовскихъ солдатъ, прострѣленное знамя надъ головой, обезображенные трупы подъ ногами... Онъ... онъ?! Не удивительно ли?—Но мнѣ все-таки сдавалось, что въ жизни бригадира происходили событія еще болѣе необыкновенныя. Огурецъ принесъ бѣлаго квасу въ желѣзномъ ковшикѣ; бригадиръ напился съ жадностью—руки его тряслись—Огурецъ поддерживалъ дно ковшика. Старикъ старательно отеръ свой беззубый ротъ обѣими ладонями—и снова уставившись на меня, зажевалъ и зачмокалъ губами. Я понялъ въ чемъ дѣло, раскланялся и вышелъ изъ комнаты.— Теперь почивать будутъ, замѣтилъ Огурецъ, выступая за мною. Очень ужъ уморились сегодня—на могилку съ утра ходили.

— На чью могилку?

— А къ Аграфенѣ Ивановнѣ на поклоненіе.— Онѣ тутъ у насъ въ приходскомъ кладбищѣ похоронены; верстъ отсюда пять будетъ. Василій Ѳомичъ каждую недѣлю безпремѣнно къ нимъ ходятъ. Да онъ же ихъ и похоронилъ и ограду поставилъ на свой коштъ.

— А давно она скончалась?

— Да лѣтъ — почитай — съ двадцать.

— Она ему пріятельницей была, что̀-ли?

— Всю жисть, какъ есть, съ ними провели — помилуйте.— Самъ я барыни той, признаться, не знавалъ, — а, говорятъ, промежъ ихъ дѣла были... нину! — Господинъ, поспѣшно прибавилъ дьячокъ, видя что я отвернулся, не соблаговолите-ли, не пожалуете-ли «ощѣ» на шкаликъ — а то̀ мнѣ пора въ пуньку [1]) — да подъ шептуху [2]).

---

[1]) Клѣть.

[2]) Одѣяло изъ грубаго сукна.

Я не почелъ за нужное распрашивать Огурца — далъ ему еще двугривенный — и отправился домой.

XIII.

Дома я обратился за свѣдѣніями къ Наркизу. — Онъ, какъ и слѣдовало ожидать, поломался немного, поважничалъ, выразилъ свое удивленіе, что меня такіе пустяки «антересовать» могутъ — и наконецъ разсказалъ, что̀ зналъ. Я услышалъ слѣдующее:

Василій Ѳомичъ Гуськовъ познакомился съ Аграфеной Ивановной Телѣгиной въ Москвѣ, вскорѣ послѣ польскаго погрома; мужъ ея служилъ при генералъ-губернаторѣ — а Василій Ѳомичъ находился въ отпуску. — Онъ тогда въ нее влюбился — но въ отставку не выходилъ: человѣкъ онъ былъ одинокій, лѣтъ сорока, съ состояніемъ. Мужъ ея вскорѣ умеръ. — Она осталась послѣ него бездѣтной, въ бѣдности, въ долгахъ... Василій Ѳомичъ узналъ объ ея положеніи, бросилъ службу — (ему дали при отставкѣ бригадирскій чинъ) — и отыскалъ свою любезную вдовушку, которой всего двадцать-пятый годъ пошолъ — заплатилъ всѣ ея долги, выкупилъ имѣніе... Съ тѣхъ поръ онъ уже съ нею не разставался — и кончилъ тѣмъ, что поселился у нея. — Она тоже словно полюбила его — но выдти за него за-мужъ не хотѣла. — «Блажна̀я была покойница», замѣтилъ при этомъ Наркизъ; «мнѣ, говоритъ, своя воля дороже всего.» — А пользоваться имъ — она пользовалась — «во всѣхъ частяхъ» — и деньги какія у него были, онъ всѣ къ ней тащилъ, какъ «муравей.» Но блажь Аграфены Ивановны принимала иногда размѣры необычайные: нраву она была неукротимаго и на-руку дерзка̀. — Однажды она съ лѣстницы своего казачка столкнула — а тотъ возьми да переломи себѣ два ребра да ногу... Аграфена Ивановна испугалась — тотчасъ велѣла запереть казачка въ чуланъ, и до тѣхъ поръ сама оттуда не выходила и ключъ отъ чулана никому не отдала, пока не прекратились въ немъ стенанья.... Казачка тайкомъ похоронили. — «И будь это при императрицѣ Екатеринѣ», прибавилъ шопотомъ, пригнувшись, Наркизъ — «можетъ и такъ бы дѣло обошлось, много такихъ дѣло̀въ тогда осталось подъ спудомъ — а то — и тутъ Наркизъ выпрямился и возвысилъ голосъ — «воцарился» тогда справедливый государь Але-

ксандръ Благословенный—ну и завязалось дѣло.... Пріѣхалъ судъ, отрыли тѣло—оказались боевые знаки... пошолъ дымъ коромысломъ. И какъ же вы полагаете? Василій Ѳомичъ всё на себя взялъ.—Я-молъ причиной, я толкнулъ да я же и заперъ.—Ну, разумѣется, сейчасъ, всѣ судьи тамъ, приказные, полицейскіе—на него да на него, и до тѣхъ поръ, доложу вамъ—его трепали, пока послѣдній грошъ изъ мошны не выскочилъ. Нѣтъ, нѣтъ—да опять за-воротъ.—До самаго француза—вотъ какъ французъ къ намъ въ Расею приходилъ—всё трепали; тогда только бросили. Ну а Аграфену Ивановну онъ обезпечилъ—точно; онъ её спасъ—такъ сказать надо. Ну и послѣ до самой ея кончины онъ у ней жилъ—и сказываютъ, помыкàла же она имъ—бригадиромъ-то—зря; пѣшкомъ изъ Москвы въ деревню посылала, ей-богу—за-оброкомъ, значитъ.—Онъ изъ-за нея, изъ-за самоё тоё Аграфены Ивановны съ англійскимъ милордомъ Гузѣ-Гузомъ на «шпантонахъ» дрался; и англійскій милордъ должòнъ былъ произнести извинительный комплиментъ. Такъ вотъ онъ, бригадиръ-то, съ тѣхъ мѣстъ и скопытился.—Ну а теперь ужъ онъ—конечно—не въ числѣ человѣковъ.»

— Кто этотъ Алексѣй Иванычъ жидъ, спросилъ я, черезъ кого онъ раззорился?

— А братецъ Аграфены Ивановны. Алчная была душа, ужъ точно жидовская. Сестрѣ въ ростъ деньги отдавалъ—а Василій Ѳомичъ поручителемъ. Поплатился тоже... лихо!

— А Ѳеодулія Ивановна грабительница? Это—кто была?

— Тоже сестрица—и ловкая тоже.—Копьё, чтò называется... бѣдовая!

XIV.

«Вотъ гдѣ проявился Вертеръ!»—думалъ я на слѣдующій день, снова направляясь къ жилищу бригадира. Я былъ тогда очень молодъ—и быть можетъ, именно потому и считалъ своей обязанностью—не вѣрить въ продолжительность любви. Всё же я былъ поражёнъ и нѣсколько озадаченъ слышаннымъ мною разсказомъ—и ужасно мнѣ захотѣлось расшевелить старика, заставить его разговориться.—«Сперва упомяну опять о Суворовѣ»—такъ разсуждалъ я съ самимъ собою—«должна же въ нёмъ таиться хоть искра прежняго огня... а потомъ, когда онъ

разогрѣется, наведу рѣчь на эту... какъ бишь её? — Аграфену Ивановну. Странное имя для «Шарлотты» — Аграфена!»

Я засталъ Вертера-Гуськова посреди крохотнаго огородца, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ флигелька, возлѣ стараго, крапивой поросшаго сруба никогда не выведенной избы. По заплеснѣвшимъ верхнимъ брёвнамъ этого сруба съ пискомъ пробирались, безпрестанно скользя и хлопая крыльями, щедушныя индюшата. На двухъ-трехъ грядахъ росла коё-какая убогая зелень. Бригадиръ только-что вытащилъ изъ земли молодую морковь — и продёрнувъ её у себя подъ мышкой, — «для очищенія» — принялся жевать ея тонкій хвостикъ.—Я поклонился ему и освѣдомился объ его здоровьи.

Онъ очевидно не узналъ меня, хотя и отдалъ мнѣ мой поклонъ—т. е. прикоснулся рукой къ картузу, не переставая однако жевать морковь.

— Сегодня вы не пришли ловить рыбу? началъ я, въ надеждѣ напомнить ему мою фигуру этимъ вопросомъ.

— Сегодня? повторилъ онъ — и задумался... а морковь воткнутая въ его ротъ всё сокращалась да сокращалась. — Да вѣдь это Огурецъ ловитъ рыбу! — А мнѣ тоже — позволяютъ.

— Конечно, конечно, почтеннѣйшій Василій Ѳомичъ... Я не съ тѣмъ... Но вамъ не жарко — этакъ, на солнцѣ? — На бригадирѣ былъ толстый ваточный халатъ.

— А? Жарко? повторилъ онъ опять, какъ бы недоумѣвая—и окончательно проглотивъ морковь, разсѣянно посмотрѣлъ вверхъ.

— Не угодно-ли пожаловать въ мой апартàментъ? заговорилъ онъ внезапно. У бѣднаго старика, видно, одна только эта фраза и осталась въ распоряженіи.

Мы вышли изъ огорода... но тутъ я невольно остановился. Между нами и флигелемъ стоялъ огромный быкъ. — Склонивъ голову до самой земли, злобно поводя глазами — онъ тяжко и сильно фыркалъ — и быстро сгибая одну переднюю ногу, высоко взбрасывалъ пыль своимъ широкимъ раздвоеннымъ копытомъ, билъ хвостомъ себѣ по бокамъ — и вдругъ немного пятился, упорно трясь мохнатой шеей — и мычалъ — не громко, жалобно, и грозно. Я, признаюсь, смутился — но Василій Ѳомичъ преспокойно выступилъ впередъ — и проговоривъ строгимъ голосомъ: «Ну ты, деревеньщина», махнулъ платкомъ. Быкъ еще попятился, склонилъ рога, — и вдругъ бросился въ сторону и побѣжалъ, мотая головой на право и на лѣво.

— А онъ, точно, бралъ Прагу — подумалъ я.

Мы вошли въ комнату. Бригадиръ стащилъ картузъ со вспо-

тѣвшихъ волосъ, выкликнулъ: фа!—прикорнулъ на край стула—и понурился...

— Я зашолъ къ вамъ, Василій Ѳомичъ, началъ я свои дипломатическіе апроши, собственно за тѣмъ, что такъ-какъ вы служили подъ начальствомъ великаго Суворова—и вообще участвовали въ такихъ важныхъ событіяхъ—то для меня было бы весьма интересно знать подробности...

Бригадиръ уставился на меня.—Лицо его странно оживилось—я уже ожидалъ—если не разсказа—то по крайней мѣрѣ одобрительнаго, сочувственнаго слова...

— А я, господинъ, должно̀, скоро умру, проговорилъ онъ въ полъ-голоса.—Я пришолъ въ тупикъ.—Какъ, Василій Ѳомичъ, вымолвилъ я наконецъ.—Почему же вы... это полагаете?

Бригадиръ внезапно задергалъ руками—вверхъ, внизъ—опять-таки по ребячьи.

— А потому, господинъ... Я... вы, можетъ, знаете... Агриппину Ивановну покойницу—царство ей небесное!—часто во снѣ вижу—и никакъ я её поймать не могу; всё гоняюсь за нею—а не поймаю. А въ прошлую ночь—вижу я—стоитъ она этакъ будто передо мной въ полъ-оборота и смѣется... Я тотчасъ же къ ней побѣгъ—и поймалъ.—И она будто обернулась вовсе и говоритъ мнѣ: ну, Васинька, теперь ты меня поймалъ.

— Что же вы изъ этого заключаете, Василій Ѳомичъ?

— А то̀, господинъ, заключаю: стало, вмѣстѣ намъ быть. Да и слава Богу, доложу вамъ; слава Господу Богу, Отцу и Сыну и Святому Духу—(бригадиръ запѣлъ): и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь!

Бригадиръ началъ креститься.—Больше я ничего отъ него добиться не могъ—и такъ и ушолъ.

XV.

На слѣдующій день мой пріятель пріѣхалъ.—Я упомянулъ ему о бригадирѣ, о моихъ посѣщеніяхъ... Ахъ да! какъ же! я его исторію знаю, отвѣчалъ мой пріятель; я и со статской совѣтницей Ломовой хорошо знако̀мъ, по милости которой онъ тутъ пріютился. Да постой, у меня, кажется, здѣсь должно письмо его храниться, къ ней самой статской совѣтницѣ; она ему въ силу этого письма и уголокъ отвела.—Пріятель мой порылся въ сво-

ихъ бумагахъ и дѣйствительно нашолъ письмо бригадира. — Вотъ оно отъ слова до слова, за исключеніемъ орѳографическихъ ошибокъ. — Бригадиръ, какъ всѣ люди тогдашней эпохи, путался въ буквахъ «е» и «ѣ» — писалъ: хкому, штопъ, слюдми и т. д. — Сохранить эти ошибки не предстояло надобности: письмо его и безъ того носитъ отпечатокъ своёго времени.

Милостивая государыня!

Раиса Павловна!

По кончинѣ друга моего а вашей тетушки имѣлъ я счастіе писать къ вамъ два письма, первое іюня отъ перваго, второе же іюля отъ шестаго числъ, 1815 года — а она скончалась шестаго мая тогожъ года; въ нихъ былъ я вамъ открытъ въ чувствахъ души и сердца моего, которыя стѣснены были убивственнымъ оскорбленіемъ и изображали въ полномъ видѣ ожесточенное мое и жалости достойное отчаяніе; оба письма посланы по коронной почтѣ страховыми, а по сему и не можно усумниться, чтобъ они не были вами прочтены. Чрезъ откровенность мою въ нихъ я надѣялся получить ваше благодѣтельное ко мнѣ вниманіе; но сострадательныя ваши чувства отдалены были отъ меня горькаго! Оставшись же послѣ единственнаго друга, Агриппины Ивановны, въ самомъ разстроенномъ и бѣдственномъ состояніи, я только и полагалъ по словамъ ея всю мою надежду на ваше благоутробіе; она, чувствуя уже кончину жизни своей, сказала мнѣ именно сама, яко бы надгробными и мнѣ вѣчно памятными словами: «другъ мой, я твоя змѣя и виновница всего твоего несчастія, я чувствую, сколько много ты мнѣ жертвовалъ и за то оставляю тебя въ злополучномъ и воистину обнаженномъ положеніи; по смерти моей прибѣгни ты къ Раисѣ Павловнѣ» — то есть къ вамъ — «и проси у ней помощи, взывай! Она имѣетъ душу чувствительную, и въ ней я увѣрена, что она тебя сироту не оставитъ». — Милостивая государыня, примите во свидѣтельство всевышняго Создателя міра, что это ея слова, и я говорю ея языкомъ; а посему утвердясь въ добродѣтели вашей, къ первой къ вамъ отнесся съ чистосердечными и откровенными моими письмами; но по долговременномъ ожиданіи не получа на нихъ отвѣта, иначе не мыслилъ, что добродѣтельное ваше сердце оставило меня безъ вниманія! Таковое неблагорасположеніе ваше ко мнѣ въ вящшее меня ввергло отчаяніе — кудыжъ и къ кому было мнѣ безталанному прибѣгнуть —

я не зналъ; разсудокъ былъ потерянъ, духъ блуждалъ — наконецъ, къ совершенной уже моей погибели Провидѣнію угодно было еще жесточайшимъ образомъ меня наказать и обратить мои мысли къ покойницѣ же, вашей же тетушкѣ, Ѳеодуліи Ивановнѣ, Агриппины Ивановны сестрѣ единоутробной, но не единосердной! Представя самому себѣ въ воображеніи то, что уже двадцать лѣтъ былъ я преданъ всему родственному Ломовскому вашему дому — особливо же Ѳеодуліи Ивановнѣ, которая иначе не называла Агриппину Ивановну, какъ «сердечный мой дружечикъ», а меня «препочтенный радѣтель нашего семейства»,—представя все сіе въ обильной воздыханіями и слезами тишинѣ скорбныхъ ночныхъ бдѣній, я подумалъ: ну! такъ видно тому и быть! — и обратившись къ оной Ѳеодуліи Ивановнѣ съ моими письмами, получилъ точное удостовѣреніе, что послѣднюю кроху со мной раздѣлятъ! Бывъ симъ обѣщаньемъ обнадеженъ, собралъ убогіе свои остатки, и поѣхалъ къ Ѳеодуліи Ивановнѣ! Привезенные мною гостинцы, болѣе какъ на пять сотъ рублей, были приняты съ отмѣннымъ удовольствіемъ; а потомъ и деньги, которыя я привезъ для содержанія себя, Ѳеодуліи Ивановнѣ угодно было, подъ видомъ сохраненія, взять въ свое вѣдѣніе; чему, угождая ей, я не противился. Если же вы спросите меня: отколѣ и въ силу чего таковое довѣріе я возымѣлъ; на сіе, сударыня, одинъ отвѣтъ: Агриппинѣ Ивановнѣ сестра и Ломовскаго семейства вѣтвь!! — Но увы и ахъ! денегъ сихъ я всѣхъ въ скорости лишился; и надежда моя, которую я полагалъ на Ѳеодулію Ивановну — что̀ хотѣла послѣднюю кроху со мною раздѣлить, оказалась тщетной и суетной; напротивъ, оная Ѳеодулія Ивановна моимъ же добромъ себя угостила. А именно, въ день ея ангела, пятаго февраля, я ей зеленой французской матеріи на пятьдесятъ рублей, по пяти рублей аршинъ, преподнесъ; самъ же изъ обѣщаннаго получилъ: бѣлаго пикѐ на жилетъ на пять рублей, да кисейный на шею платокъ, которые подарки при мнѣ же были куплены и, какъ мнѣ извѣстно, изъ моихъ же денегъ—и вотъ все, чѣмъ я, по благодѣянію Ѳеодуліи Ивановны ко мнѣ, воспользовался! Вотъ оная послѣдняя кроха! И я бы могъ далѣе въ самой истинѣ обнаружить всѣ недоброжелательные Ѳеодуліи Ивановны со мной поступки — а также и мои, всяческую мѣру превосходящіе депансы, какъ-то, между прочимъ, на конфекты и фрукты, которые Ѳеодулія Ивановна была великая охотница кушать; — но все сіе умалчиваю для того, дабы вы таковое объясненіе объ умершей не отнесли въ дурную сторону; и притомъ, такъ какъ Богъ призвалъ ее къ себѣ на судъ — и все, что я отъ нея претер-

пѣлъ изъ сердца моего истребилось—то я ей, какъ христіанинъ, простилъ давно и умоляю Бога, чтобы Онъ ей простилъ!!

Но, милостивая государыня Раиса Павловна! Неужелижъ вы обвините меня за то, что я былъ вѣрнымъ и неложнымъ другомъ вашего семейства, и за то, что такъ много и непреоборимо любилъ Агриппину Ивановну, жертвовалъ ей моей жизнью, моей честью и всѣмъ моимъ состояньемъ! былъ въ совершенной ея власти, и потому не могъ уже управлять ни самимъ собою, ни моей собственностью—а распоряжалась она по своей волѣ какъ мною, такъ и моимъ состояньемъ! Вамъ извѣстно и то̀, что по дѣлу ея съ людьми ея я терплю *невинно* убийственное оскорбленіе—дѣло сіе я перенесъ послѣ смерти ея въ сенатъ, въ шестый департаментъ—оно еще теперь не рѣшено—по которому сдѣлали меня соучастникомъ съ нею, отдали въ опеку, и все еще судятъ уголовнымъ судомъ! Въ моемъ званіи, въ мои лѣта, таковое безчестіе несносно мнѣ; и остается мнѣ только симъ горестнымъ размышленіемъ ублажать свое сердце, что, слѣдовательно, и по смерти Агриппины Ивановны я страдаю за нее—и сіе означаетъ слѣды неизмѣнной любви и добродѣтельной благодарности моей къ ней!

Въ упоминаемыхъ моихъ къ вамъ письмахъ я доводилъ до свѣдѣнія вашего о похоронахъ Агриппины Ивановны со всею подробностью—и какое было по ней поминовеніе; дружба и любовь моя къ ней по состоянію ничего не щадили! На все сіе—и съ сорокоустами и за шесть недѣль за чтеніе по ней псалтыри—(сверхъ того, пятьдесятъ рублей ассигнаціями мои пропали, кои даны въ задатокъ за камень, о которомъ я васъ увѣдомилъ) — на все сіе издержано собственныхъ моихъ денегъ семьсотъ пятьдесятъ рублей ассигнаціями—въ числѣ которыхъ и взнесенные за мѣсто вкладу въ церковь полтораста рублей ассигнаціями-жъ!

Благотворная душа твоя, внемли гласу отчаяннаго и вверженнаго въ пропасть жесточайшихъ мученіевъ! Одно сострадапіе твое къ человѣколюбію можетъ возвратить жизнь погибшаго!! Я хотя и живъ—но въ страданіи души и сердца моего мертвъ; мертвъ, когда вспомню, чѣмъ былъ, и что̀ есмь: былъ воиномъ и отечеству всею правдою служилъ и прямилъ, какъ истому россіянину и вѣрному подданному несомнѣнно надлежитъ—и отмѣнными знаками награждаемъ былъ,—и состояніе сообразное съ рожденьемъ и званіемъ имѣлъ; а нынѣ изъ за насущнаго хлѣбо-питанія горбомъ хребетъ сгибаю; мертвъ же особенно я есмь, когда вспомню, какого друга лишился... и на что̀ мнѣ жизнь послѣ сего? Но предѣла своего не ускоришь, и земля

не разступится, а скорѣе того въ камень обратится! А потому взываю къ тебѣ, душа добродѣтельная, утиши молву народную, не дай себя въ общее осужденіе, что за таковую мою безграничную преданность я пристанища себѣ не имѣю, удиви милостію твоею ко мнѣ, обрати языкъ злобствующихъ и завидующихъ къ прославленію твоихъ достоинствъ—и осмѣлюсь со всяческимъ смиреніемъ присовокупить, утѣшь въ гробѣ дражайшую тетку твою, незабвенную Агриппину Ивановну, которая за твою благопоспѣшную помощь, моими грѣшными молитвами, простретъ надъ главою твоею свои благословящія длани, успокой на закатѣ дней одинокого старца, который не такую могъ ожидать себѣ участь! — А впрочемъ, съ глубочайшимъ почтеніемъ имѣю счастье назваться вашимъ, милостивая государыня,

преданнѣйшимъ слугою

Василій Гуськовъ

бригадиръ и кавалеръ.

XVI.

Нѣсколько лѣтъ спустя, я снова посѣтилъ деревушку моего пріятеля... Василія Ѳомича уже давно въ живыхъ не было: онъ скончался вскорѣ послѣ моего знакомства съ нимъ. Огурецъ все еще здравствовалъ. Онъ свелъ меня на могилку Аграфены Ивановны.—Желѣзная ограда окружала большую плиту съ подробной и пышной эпитафіей покойницы; а тутъ же, рядомъ, и какъ бы у ногъ ея виднѣлся небольшой холмикъ съ покрившимся крестомъ: рабъ Божій, бригаридъ и кавалеръ Василій Гуськовъ покоился подъ этимъ холмикомъ... Прахъ его пріютился, наконецъ, возлѣ праха того существа, которое онъ любилъ такой безграничной, почти безсмертной любовью.

Ив. Тургеневъ.

